

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ САБУРОВ
аспирант кафедры всеобщей истории Института социаль-
но-гуманитарных и политических наук, Северный (Арк-
тический) федеральный университет имени М. В. Ломоно-
сова (Архангельск, Российская Федерация)
alexandersaburov@gmail.com

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1920-е ГОДЫ*

На основании комплекса архивных материалов и опубликованных источников проводится анализ развития кадрового обеспечения советских исследований арктических островов и архипелагов в 1920-е годы. Исследуются особенности отбора, подготовки и мотивации участников научных экспедиций и персонала полярных станций в рамках деятельности Северной научно-промысловой экспедиции, Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, Плавучего морского научного института. Автор приходит к выводу о том, что 1920-е годы стали периодом становления системы кадрового обеспечения отечественной научной деятельности в Арктике, которая в дореволюционное время не проводилась на регулярной основе. Период начала 1920-х годов, несмотря на первые попытки создания образовательных программ в рамках отдельных учреждений, характеризовался отсутствием специальной профессиональной подготовки, плохими условиями зимовок, низким уровнем заработной платы, а также некачественным снабжением полярников питанием и одеждой. Успехи этого периода были обеспечены, главным образом, благодаря профессионализму опытных кадров – руководителей научных учреждений (Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе, Н. Н. Матусевич, И. И. Месяцев), которые сумели эффективно организовать работу, сплотить вокруг себя коллективы, привлечь молодых исследователей. Во второй половине 1920-х годов в связи с восстановлением экономики и ростом внимания государства к Арктике произошли значительные изменения в кадровом обеспечении советской научной деятельности в регионе. Они выражались в увеличении числа сотрудников научных организаций и росте уровня заработной платы исследователей. Кроме того, активное государственное участие в делах науки обеспечило появление базового регулирования условий труда, в частности системы оплаты и охраны труда.

Ключевые слова: Арктика, исследования, СССР, кадры, наука, экспедиции, полярные станции, Северный морской путь

Научные исследования в Арктике сегодня играют большую роль как для решения глобальных проблем (изменение климата, экологическая безопасность, сохранение биоразнообразия и др.), так и выполнения национальных задач, стоящих перед Российской Федерацией (обоснование границ континентального шельфа, обеспечение Северного морского пути, решение социально-экономических проблем развития Арктической зоны). Научная деятельность в Арктике характеризуется, прежде всего, географической удаленностью объектов исследования и экстремальными природно-климатическими условиями, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и наличие ледяного покрова на акватории арктических морей. Эти факторы и в прошлом, и в настоящее время определяют потребность в особом внимании к кадровому обеспечению арктических исследований, в частности к таким его аспектам, как отбор кадров, их подготовка и мотивация.

Несмотря на сравнительно хорошую освещенность в историографии советских арктических исследований 1920-х годов, кадровое обеспечение научной деятельности в этот период не становилось темой отдельного исследования. Первым

трудом, в котором подробно изучен ряд аспектов работы с участниками арктических экспедиций и полярных станций, стала монография В. Н. Булатова [1], однако в ней в большей степени раскрыты вопросы кадрового обеспечения полярных исследований начиная с 1930-х годов. Значимыми трудами 2000-х годов являются биографические работы В. С. Корякина об О. Ю. Шмидте [6] и Р. Л. Самойловиче [7] и А. М. Ермолаева и В. Д. Дибнера о М. М. Ермолаеве [3]. Ценный фактический материал по истории исследования Новой земли содержит докторская диссертация В. С. Корякина [5].

В рамках данной статьи проводится выявление механизмов и принципов отбора кадров для экспедиций и полярных станций в РСФСР – СССР в 1920–1928 годах. Этот период стал временем становления арктических исследований в Советском Союзе, которые в дореволюционное время не проводились на регулярной основе. Хронологические рамки ограничены 1932 годом – временем учреждения Главного управления Северного морского пути и начала ведения системной работы по подготовке кадров для освоения Арктики на государственном уровне.

В настоящем исследовании выявляются специализированные учебные заведения, образовательные программы, в том числе краткосрочные курсы подготовки исследователей и технического персонала. Также в работе анализируется мотивация исследователей для работы в Арктике, в частности уровень заработной платы и сопоставление со средним заработком по другим отраслям, наличие социальных гарантий и нематериальное стимулирование. Статья подготовлена на основе комплекса исторических источников, включающего в себя материалы Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), в том числе впервые вводимые в научный оборот, постановления органов государственной власти СССР, опубликованные отчеты и материалы экспедиций, мемуарную литературу и статистические материалы.

Исследование затрагивает деятельность основных учреждений, проводивших научную деятельность на островах и архипелагах в советском секторе Арктики в 1920-х годах: Северная научно-промысловая экспедиция (с 1925 года – Институт по изучению Севера, с 1930 года – Всесоюзный арктический институт, сокр. ВАИ), Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (с 1924 года – Северная гидрографическая экспедиция, сокр. СГЭ), Плавающий морской научный институт, сокр. Плавоморнин (с 1930 года – Государственный океанографический институт).

Анализ источников показывает, что отечественные арктические исследования начала 1920-х годов характеризовались отсутствием качественной системы отбора участников экспедиций и персонала полярных станций. В экспедициях Плавающего морского института, например, периодически участвовали «гастролеры», как называли участников, ходивших только в один рейс в погоне за впечатлениями и экзотикой [2]. Также, по воспоминаниям В. А. Васнецова, научные работники различных специальностей не имели никакого опыта в организации и производстве морских исследований, не были знакомы с практикой обращения с различными приборами на море. Отлаженная система подготовки кадров для арктических исследований практически отсутствовала, однако уже в 1920-е годы делались первые попытки создания образовательных программ в рамках отдельных учреждений. Так, в 1920 году при Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана были организованы специальные курсы для подготовки личного состава экспедиции, в рамках которых преподавались такие дисциплины, как морская опись, топография и черчение, метеорология и гидрология, биология и фотография¹. В 1925 году П. В. Виттенбург на географическом факультете Ленинградского ин-

ститута создал кафедру полярных стран, которая перестала действовать после его ареста и была восстановлена по инициативе Р. Л. Самойловича в 1934 году [3: 165–166].

Серьезные проблемы возникали при наборе кадров на полярную станцию Маточкин Шар. А. Н. Островский отмечал, что набор людей на станцию велся недостаточно тщательно. Многие участники попадали туда случайно, не понимая в полной мере цели своей работы. Даже начальник станции Д. Ф. Вербов, до того как возглавить Маточкин Шар, «был коммивояжером известной дореволюционной фирмы канцелярских принадлежностей “Отто Кирхнер и К*”, а попросту говоря, торговал карандашами, перьями и тетрадками...» [8: 41]. Некоторые участники зимовки на Маточкином Шаре «видели в трудной северной службе возможность заработать себе хорошую репутацию, право на то, чтобы считаться полноправным гражданином молодой Советской республики». В 1924 году, по воспоминаниям Э. Т. Кренкеля, у врача не было профильного образования: «Мы надеялись, что к его услугам нам прибегать не придется, и прозвали про себя помощником смерти». В результате этот врач умер во время зимовки, вероятнее всего, от передозировки морфия [8: 42]. Некачественный отбор и подготовка кадров вместе с трудными климатическими условиями и неприспособленностью станции для зимовки привели к тому, что на Маточкином Шаре с 1923 по 1930 год погибло четыре человека.

В этих условиях одним из ключевых факторов успеха первых советских научных экспедиций в Арктику стало наличие опытных исследователей во главе учреждений и экспедиций. Большинство из них много лет посвятили исследованию Арктики и вели научную и организационную деятельность в сложный с финансовой точки зрения период 1920-х годов.

Ко времени окончания Гражданской войны Р. Л. Самойлович, выпускник фрайбургской Королевской горной академии, начальник Севэкспедиции (затем директор ВАИ) до 1938 года, был опытным геологом и имел опыт работы в Арктике на Шпицбергене вместе с В. А. Русановым. Важную роль в успешной деятельности Севэкспедиции, особенно на первоначальном этапе, сыграли личные качества Р. Л. Самойловича. Его ученик геолог М. М. Ермолаев вспоминал: «Удивительным было его умение спланировать вокруг себя своих учеников-сотоварищей, удерживать их внимание на главной цели, причем эту цель и даже будничные работы опозитизировать, придать им какой-то высокий смысл и значение» [4: 75]. Именно Р. Л. Самойловичу, согласно многочисленным источникам, принадлежал план экспедиции на Новую Землю с созданием полярной станции [7: 128]. В последующее десятилетие он вел активную исследовательскую экспедицион-

ную работу в Северном Ледовитом океане, посетив едва ли не все его моря, острова и архипелаги. Последней экспедицией Р. Л. Самойловича стала знаменитая высокоширотная экспедиция трех ледоколов «Садко», «Седов» и «Малыгин» в 1937–1938 годах, которая встала на вынужденную зимовку в Арктике. Самойлович был выбран в качестве начальника зимовки трех кораблей единогласно, где блестяще проявил себя как руководитель.

В. Ю. Визе, выдающийся ученый, заместитель директора Арктического института, также получивший хорошее образование в Германии, в 1912–1914 годах участвовал в экспедиции Г. Я. Седова и в тяжелейших условиях зимовал на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа. В 1929 и 1930 годах он был одним из руководителей экспедиций по созданию полярных станций на Земле Франца-Иосифа и Северной Земле. До конца 1930-х годов участвовал во многих научных экспедициях в советской части Арктики. Ему принадлежит инициатива организации систематической авиаразведки льдов; первым, начиная с 1928 года, он стал давать научно обоснованные прогнозы ледовитости Баренцева моря, а затем и других арктических морей. Его ледовые прогнозы служили основой научно-оперативного обслуживания мореплавания по Северному морскому пути. В. Ю. Визе пользовался огромным авторитетом среди исследователей Арктики, которые отмечали не только его профессиональные, но и личные качества. И. Д. Папанин вспоминал: «Он всем делал добро. Просто его нельзя было не любить и не уважать – такой он был. Очень образованный, внимательный, преданный Северу» [9: 99].

Большой опыт работы в северных морях до революции был у Н. Н. Матусевича, руководителя Северной гидрографической экспедиции с 1924 по 1931 год. К моменту создания Плавучего морского научного института его глава И. И. Месяцев уже долгое время занимался зоологическими исследованиями в Московском государственном университете, стажировался на Мурманской биологической станции.

Вокруг лидеров постепенно формировалась отечественная научная школа благодаря привлечению молодых специалистов, энтузиастов своего дела. Уже в возрасте 23–24 лет В. А. Васнецов, сын художника Аполлинария Васнецова, был начальником гидрологических работ в Плавморнине. В 1924 году в возрасте 19 лет в первую экспедицию на Новую Землю отправился будущий начальник полярной станции в Русской Гавани, известный геолог М. М. Ермолаев. Э. Т. Кренкель, пионер использования коротковолновой связи в Арктике, попал на первую зимовку на Маточкином Шаре, когда ему исполнилось 20 лет. Б. Г. Чухновский, один из первых организаторов ледовой разведки в Арктике, в 26 лет начал

первые полеты над Новой Землей. На станции Маточкин Шар на Новой Земле получили свой первый опыт выдающиеся метеоролог М. А. Кузнецов, гидролог И. Т. Черниковский, геофизики М. Е. Острекин, П. К. Сенько, А. П. Никольский.

Практически во всех источниках отмечается, что без энтузиазма руководителей и научных сотрудников арктические исследования 1920-х годов в СССР не могли иметь такого успеха. Необходимо отметить, что в это время профессия полярника еще не имела высокого престижа в обществе в отличие от 1930-х годов. В отчете о постройке станции на Маточкином Шаре указано, что в течение шести с половиной недель шла работа «с продуктивностью, граничащей с пределом возможности»². Р. Л. Самойлович писал о работах Севэкспедиции на Новой Земле в 1921 году: «Работа на голодном пайке, в рваной обуви, и тем не менее научные работники с редким самоотвержением выполняли программу...»³. Характерный пример скудного питания приводит Самойлович: в одном из походов длительностью восемь дней в рамках экспедиции на Новой Земле на каждого человека приходилось всего 5 кг сухеш, 1,5 кг сливочного масла, 0,4 кг сахара, 0,2 кг какао, 1,5 кг мясных консервов, 0,4 кг кофе, 0,8 кг сладкого молока. Причем у участников не было даже палаток⁴ [1: 22]. В. А. Васнецов вспоминал, что во время работы над «Персеом», судном Плавморнина, «порой испытывали настоящую нужду, и не только мы лично, но и все наше дело». Тем не менее, несмотря на более чем скромные условия жизни, отношения внутри коллектива оставались хорошими [2]. Все погрузочные и разгрузочные работы обычно выполнялись самими исследователями, включая начальника экспедиции.

Для многих участников экспедиций и зимовок, очевидно, немаловажную роль играла материальная мотивация. Э. Т. Кренкель вспоминал, что перед зимовкой на Матшаре ему дали хорошие подъемные деньги и полную морскую форму [8: 36]. В. А. Васнецов пишет, что в 1924 году молодым сотрудникам института существенно повысили зарплату с 20 до 55 рублей в месяц [2]. Однако будет преувеличением утверждать, что в годы упадка экономики материальное поощрение исследователей Арктики всегда находилось на высоком уровне. В 1924 году в своем рапорте Н. Н. Матусевич указывал, что к нему все чаще поступают заявления от персонала, зимующего на радиостанции Маточкин Шар, «о их крайне тяжелом и часто даже бедственном положении в связи с увеличивающейся дороговизной жизни в Петрограде», и предлагал повысить содержание полярников на 100 %⁵.

К концу 1920-х годов в связи с восстановлением экономики и ростом внимания государства к Арктике произошли значительные изменения в кадровом обеспечении советской научной деятельности в регионе. Они выражались,

во-первых, в росте числа персонала научных организаций. Если в 1925–1926 годах в штате Института по изучению Севера было 14 сотрудников, 5 из которых являлись научными⁶, то в 1928–1929 годах – 19 человек (13 – научный персонал)⁷, а в 1931 году – 37 человек (20 – научные сотрудники)⁸. В летнее время в экспедиции привлекался персонал других научных учреждений, и число сотрудников института увеличивалось до нескольких сотен человек. Во-вторых, заработная плата в профильных учреждениях, занимавшихся арктическими исследованиями, была ощутимо выше, чем в других государственных учреждениях. Средняя ежемесячная зарплата научных сотрудников II разряда в Институте по изучению Севера в 1925–1926 годах составляла 82 рубля 50 копеек, директора института – 250 рублей⁹. При этом средняя заработная плата лиц наемного труда по несельскохозяйственному сектору в 1926–1927 годах – 729 рублей ежегодно, или 60,75 рубля в пересчете на 12 месяцев¹⁰. В 1931 году заработная плата директора ВАИ составляла 500 рублей в месяц, научных сотрудников – от 150 до 300 рублей в месяц¹¹. Зимовщики на полярной станции на Земле Франца-Иосифа получали от 175 до 400 рублей ежемесячно¹². Для сравнения средняя зарплата по всем отраслям народного хозяйства в 1932 году составляла 1551 рубль ежегодно, или 129,25 рубля ежемесячно¹³.

Активное государственное участие в делах науки обеспечило появление базового регулирования условий труда. С 1926 года между Институтом по изучению Севера и профсоюзами заключались коллективные договоры, в которых детально прописывалась система оплаты и охра-

ны труда (выдача спецодежды, предоставление ежегодных отпусков, гигиенические требования и др.), отчисления на культурно-просветительскую работу¹⁴. Условиями применения труда в гидрографических частях¹⁵ регулировались условия труда, в том числе заработной платы, страхования от несчастных случаев, выдачи спецодежды, должностные обязанности для Северной гидрографической экспедиции (СГЭ). Во время экспедиций СГЭ для членов профсоюза работников водного транспорта велась культурно-массовая работа: ведущими специалистами экспедиции читались тематические лекции, организовывались литературные вечера и концерты¹⁶. В составе СГЭ, помимо научного и обслуживающего персонала, присутствовал врач¹⁷. Практически во всех отчетах СГЭ указывалось, что проблем со здоровьем у личного состава в ходе экспедиции не было.

В 1930-е годы вместе с созданием Главсевморпути была выстроена системная работа по подготовке кадров. Начали осуществляться отбор и привлечение полярников по партийной линии; появилось большое количество образовательных программ для научных работников; внедрялись новые формы организации труда; были законодательно закреплены льготы и материальное обеспечение для лиц, работавших за полярным кругом. Наконец, в предвоенное десятилетие полярники получили высокий статус в советском обществе. Однако именно в 1920-е годы, несмотря на сложное социально-экономическое положение, не всегда достаточную поддержку со стороны центральной власти и организационные трудности, были заложены основы лидерства Советского Союза в изучении Арктического региона.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Архангельской области (конкурс «Молодые ученые Поморья») в рамках научного проекта № 05-2015-02а «Организация советских и норвежских исследований островов Европейской части Арктики в 1905–1940 гг.: опыт сравнительного анализа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАВМФ. Ф. Р-898. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

² Краткий отчет о деятельности отдельного северного гидрографического отряда за кампанию 1923 года. Постройка радиостанции на Новой Земле. Л., 1924. С. 14.

³ Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: Предварительный отчет. Петербург, 1922. С. 5.

⁴ Новая Земля. Экспедиция 1921–1927 гг. под начальством Р. Л. Самойловича. М., 1929. С. 22.

⁵ РГАВМФ. Ф. Р-548. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 14. Л. 2.

⁷ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 32. Л. 40.

⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 1.

⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 14. Л. 2.

¹⁰ Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. М., 1930. С. 1.

¹¹ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 1.

¹² ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 2.

¹³ Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. М., 1930. С. 3.

¹⁴ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 18.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–95.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 124.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 142.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов В. Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М.: МГУ, 1989. 155 с.
2. Васнецов В. А. Под звездным флагом «Персея». Воспоминания. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 278 с.
3. Ермолаев А. М., Дибнер В. Д. М. М. Ермолаев – жизнь исследователя и ученого. СПб.: Эпиграф, 2005. 599 с.
4. Ермолаев М. М. Воспоминания. Петрозаводск, 2009. 255 с.
5. Корякин В. С. История изучения природной системы Новой Земли (до середины XX века): Дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2000. 402 с.
6. Корякин В. С. Отто Шмидт. М.: Вече, 2011. 412 с.
7. Корякин В. С. Рудольф Лазаревич Самойлович, 1881–1939. М.: Наука, 2007. 268 с.
8. Кренкель Э. Т. Раем – мои позывные. М.: Сов. Россия, 1973. 496 с.
9. Папанин И. Д. Лед и пламень. М.: Политиздат, 1978. 416 с.

Saburov A. A., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

HUMAN RESOURCING OF THE SOVIET ARCTIC RESEARCH IN 1920-s

The author of the article analyzes human resourcing practice employed for the Soviet research of the Arctic islands and archipelagos in the 1920s. The analysis is carried out with the help of multiple archival materials and published sources. Characteristic features of human resourcing, training and motivation of the members of scientific expeditions and polar stations are studied in the paper. The present research studies activities of the Northern Scientific and Industrial Expedition (Severnaya nauchno-promyslovaya ekspeditsiya), Hydrographic Expedition of the Arctic Ocean (Gidrograficheskaya, ekspeditsiya Severnogo Ledovitogo okeana), Floating Marine Research Institute (Plavuchii Morskoi Nauchnyi Institut). The author concludes that 1920s became a period of the human resourcing system development. It was implemented for the research of the Soviet Arctic Area. Before the Russian revolution it practiced irregularly. The beginning of the 1920s, in spite of the first attempts to create educational programs within several institutions, was characterized by the lack of specialized training, poor conditions of wintering, low salaries, poor-quality of food supply and clothing for polar scientists. Scientific achievements of this period are explained mainly by the professionalism of experienced researchers – managers of scientific organizations (R. Samoilovich, V. Vize, N. Matusevich, I. Mesyatsev), who organized the work effectively, united scientific groups, and attracted young researchers. In the second half of the 1920-s the human resourcing for Soviet scientific activities changed significantly because of the economic recovery and authorities' attention to the Arctic. These changes were expressed in the numeric increase of employees for scientific organizations and growth of researchers' salaries. In addition, increased state involvement in to the process of science management provided basic regulation of the working environment, in particular the system of payment and labor protection.

Key words: Arctic, research, USSR, staff, science, expeditions, polar stations, Northern Sea Route

REFERENCES

1. Bulatov V. N. *KPSS – organizator osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti (1917–1980)* [CPSU – organizer of the Arctic and the Northern Sea Route development (1917–1980)]. Moscow, MGU Publ., 1989. 155 p.
2. Vasnetsov V. A. *Pod zvezdnym flagom “Perseya”. Vospominaniya* [Under the star flag of “Persey”. Memories]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1974. 278 p.
3. Ermolaev A. M., Dibner V. D. *M. M. Ermolaev – zhizn' issledovatelya i uchenogo* [M. M. Ermolaev – life of the researcher and the scientist]. St. Petersburg, Epigraf Publ., 2005. 599 p.
4. Ermolaev M. M. *Vospominaniya* [Memories]. Petrozavodsk, 2009. 255 p.
5. Koryakin V. S. *Istoriya izucheniya prirodnoy sistemy Novoy Zemli (do serediny XX veka): Dis. ... d-ra geogr. nauk* [History of Novaya Zemlya natural system research (until middle of XX century): Dr. hist sci diss.]. Moscow, 2000. 402 p.
6. Koryakin V. S. *Otto Shmidt* [Otto Shmidt]. Moscow, Vech Publ., 2011. 412 p.
7. Koryakin V. S. *Rudolf Lazarevich Samoylovich, 1881–1939* [Rudolf Lazarevich Samoylovich, 1881–1939]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 268 p.
8. Krenkel' E. T. *Raem – moi pozvnyne* [Raem – my call sign]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1973. 496 p.
9. Papanin I. D. *Led i plamen'* [Ice and flame]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 416 p.

Поступила в редакцию 25.03.2016